

А. Ю. Давыдов

Рецензия на монографию
И. А. Тропова «Эволюция местных
органов государственной власти
в России (1917–1920-е гг.)»¹

И. А. Тропов взялся за изучение крупной проблемы. Насколько она объемна и разнопланова, настолько и актуальна в научном отношении. В условиях российской специфики революционного, военно-коммунистического и нэповского времен местные органы вынуждались амортизировать удары сверху и снизу. Они оказывались в положении между молотом и наковальней. С одной стороны, именно с ними непосредственно взаимодействовали самые широкие слои населения. От них в огромной мере зависели умонастроения народных масс; их деятельность определяла, в какую сторону будет направлена активность населения — в анархию или лояльность. С другой стороны, эти госструктуры сами себе не принадлежали, их позиции должны были соответствовать исходившей сверху (нередко противоречивой и несуразной) команде. При этом ответственность приходилось брать на себя региональным начальникам. Волей-неволей решения «верхов» начинали приспосабливать к сложной местной обстановке. Методом борьбы с дурными законами становилось дурное их исполнение.

Вначале автор сосредоточился на исследовании процесса разрушения административного аппарата царской России. При этом должностные лица оставались верными своему долгу и их деятельность в ходе февральской революции представляла «отчаянную попытку сохранить порядок на вверенной территории» (С. 230). Тем не менее, довольно скоро обнаружился «управленческий вакуум». Обратим внимание на то, что автор рассматривает события, последовавшие с февраля 1917 г., как единый революционный процесс, именуемый Великой российской революцией (С. 87). Забегание вперед на пути к социализму было в большей или меньшей мере присуще всем ее этапам. Отсюда — особые требования к народной самодеятельности и ответственности. Как представляется, на протяжении долгого времени разные группы населения проявляли выраженное стремление к единению, к участию в демократических органах управления. Сущностной чертой российского социума рассматриваемого перио-

**Давыдов
Александр Юрьевич,**
*доктор исторических
наук, профессор,
Российский
государственный
педагогический
университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург)*

да стало тяготение к консолидации. И. А. Тропов верно подметил эту черту народного характера, проявившуюся в экстремальных обстоятельствах. Он пишет: «В столице еще шли переговоры об образовании Временного правительства, Николай II еще только подписывал Манифест об отречении от престола, а в провинции различные слои и группы населения уже активно формировали новые органы власти» (С. 124). Вряд ли стоит представлять отечественное общество раннего революционного периода как расколотое на многочисленные враждебные группировки. Думается, раскол шел сверху — из столиц.

На страницах книги встречаем факты, свидетельствующие о «вдумчивом» отношении крестьян к выборам нового областного правления (С. 134–135), а также о решающей роли земств и городских дум в выстраивании структуры, определении задач демократических общественных организаций (на первых порах и местных советов) и их исполкомов, налаживании взаимодействия с центральными властями (С. 129, 136, 232). Общественные исполнительные комитеты строились на «широкой коалиционной основе» и представляли политический центр на местах. Автор так высоко оценивает значение и объединяющий потенциал этих структур, что применяет к их характеристике термин «народный фронт» (С. 127, 231). Последний выступал объединителем «центристского» лагеря — «весьма пестрого по своему составу, по уровню культуры, по характеру социальных интересов» (С. 135).

Позиция автора отличается оригинальностью. Он не склонен ударяться в фатализм и задним числом «диалектически» объяснять неотвратимое назревание роковых противоречий. Существенной предпосылкой затухания демократической созидательной альтернативы на местах он считает передачу центральной властью всех полномочий в регионах правительственным комиссарам. Они получают финансовую поддержку, им подчиняются административные структуры. Это была серьезная ошибка. Историю делали люди. Гордые революционеры-победители не доверяли народу и «с большим опасением относились к любым внесударственным структурам». Поэтому некомпетентная революционная власть переоценила свои возможности, не сумела осмыслить расстановку сил на местах. Демократическим институтам несправедливо отводилась второстепенная, вспомогательная роль, и проявить себя они не смогли; более того — нередко шли на конфронтацию с Временным правительством (С. 153–154, 233). В итоге те силы, интересы которых представляли быстро радикализировавшиеся советы, сами принялись за улучшение своей жизни. Но исходили они уже отнюдь не из правовых норм, а из «священного ... права революции» (С. 203).

Автор не относит события октября – ноября 1917 г. к разряду катастрофических. Нарастали местнические тенденции (дело дошло до образования при губернских советах международных отделов), однако альтернатива сохранялась. Демократическая общественность проявила немалые способности к адаптации суровой действительности. Земства, губернские и уездные управы, представлявшие значительную и активную часть населения, были нацелены на сотрудничество с большевистскими центральными властями (С. 245, 263). При этом и Народный комиссариат по местному самоуправлению во главе с левым эсером В. Е. Трутовским горячо поддержал инициативу муниципалитетов участвовать в выполнении декретов советской власти. Между тем большевики довольно скоро отказались от компромиссов по причинам идеологического свойства («власть в стране перешла к пролетарским и полупролетарским элементам») и ведомственного — большевистский НКВД был сильнее левозероковского комиссариата (С. 249–250). На ленинских позициях стояли фронтовики — распрогандированные, склонные к насильственному решению вопросов «горлопаны». В таких условиях попытка земских служащих протестовать против разгона

Учредительного собрания ускорила ликвидацию муниципалитетов, в целом завершившуюся к середине 1918 г.

В этой части исследователь вступает в противоречие с самим собой. Он сообщает о самораспаде, глубоком кризисе созданных февральской революцией органов самоуправления, о совершенном по инициативе самого населения их роспуске. Но при этом мы узнаем, что новая власть декретно распустила земства; нам становятся известными факты, когда местное население вставало на их защиту (С. 253). Если органы местного управления находились в стадии «самораспада», то почему по мере их уничтожения стремительно нарастали «местнические тенденции», а «ярко выраженный локализм вел к распаду государства» (С. 281–282)? Если утверждавшиеся на местах советы были полновластны (С. 265), то почему советы нередко были «фиктивными» и «под личиной большевизма» происходила архаизация местного самоуправления (С. 256, 272, 275)? Наконец, автор признает, что созданной к началу 1920-х годов «новой политической системе», в отличие от старых административных и административно-общественных структур», были присущи многочисленные деформации (С. 358). Если старая система докатилась до «самораспада», что же ожидало сменившую ее, еще худшую? Думается, следует и дальше работать над выяснением степени жизнеспособности старого государства и эффективности пришедшего ему на смену нового. Далеко не всё, что погибло — изжило себя; далеко не всегда победитель в драке — носитель прогресса и модернизации. Между альтернативистскими и синергетическими подходами, с одной стороны, и, с другой стороны, пониманием человека как простого орудия в руках истории — лежит проблема. Истина не в поиске золотой середины, а в обнаружении единства.

Сказанное в полной мере относится к следующему изучаемому периоду, когда у руля центральной власти сторонников умеренных реформ сменили крайние радикалы. И. А. Тропов замечательно подметил специфику положения дел на местах в это время. Советизация отнюдь не равнялась большевизации. Новые местные властные структуры оказывались в руках «соглашателей» или «умеренных» коммунистов (С. 310, 313). В конце концов, ленинцы использовали своеобразный метод утверждения единовластия. В книге объясняется, какой именно. Это продовольственная монополия и диктатура Наркомпрода. Последний в мае 1918 г. получил широкие права по контролю над деятельностью местных советов вплоть до отмены их решений и преследования в судебном порядке (С. 309, 310). Как видим, продовольственная диктатура — основа и стержень военного коммунизма — представляла собой в первую очередь комплекс мер политического и идеологического свойства. Основную роль играли комитеты бедноты. Переизбрание местных советов под их руководством, а чаще их превращение в советы, полностью отвечало идеологической доктрине большевиков (С. 334–335).

Логика научного исследования подводит автора к проблеме взаимодействия победившей партии и местных государственных органов. Думается, большевизированные советы в силу своих патриархальности и своеобразных общинно-вечевых методов деятельности были обречены на утрату самостоятельности. Наряду с советами и чрезвычайными региональными органами (ревкомы и комитеты бедноты) выстраивается партийная вертикаль власти (С. 337). Между тем и сама РКП(б) огосударвляется: в центре и в губерниях возникает уникальный тандем «партия-государство». Констатируя данное обстоятельство, И. А. Тропов идет дальше. Он доказывает, что в большинстве случаев не так обстояло дело в уездах и волостях. Автор формулирует свою мысль: переизбираемые на базе комбедовского состава комбедовскими методами сельские и волостные советы не могли стать надежной опорой большевиков (С. 335). Несмотря на «чрезвычайные и ис-

ключительные меры воздействия на население», большевизации низовых советов не произошло. И роль партийной власти в системе местной власти в годы военного коммунизма не следует преувеличивать (С. 345–254). На «низовых» уровнях местные органы нередко продолжали оставаться выразителями интересов крестьян. Особым было положение в регионах, в которых преобладало влияние комитетов бедноты — структур, игравших важную роль в развитии политической ситуации; об этом — чуть позже.

В целом, ни о какой тоталитарной схеме управления в годы военного коммунизма говорить не приходилось. Идеологический диктат РКП(б) отнюдь не распространился на страну. Новые административные органы отличали многочисленные деформации, которые «списывались» на гражданскую войну. В книге находим ответ на вопрос, почему в экстремальных условиях сохранился режим, структурам которого отнюдь не была присуща организационная завершенность. По мнению И. А. Тропова, «спасением большевистского режима являлась откровенная ставка на широкое применение террора, энергичная, а порой и фанатичная деятельность значительной части коммунистов» (С. 344–345, 358).

Не очень понятно, откуда взялась эта «фанатичная» группировка, и почему только у большевиков она была. Порассуждаем на эту тему. Новая, не обремененная негативным опытом, обладавшая обаянием абсолютной научности, предлагавшая понятные и ведущие к победе пути идеология (марксизм), — стала, по сути, религией инсургентов; окраину Европы она превращала в авангард прогресса и тем самым удовлетворяла национальные претензии. Единство целей, задач, методов деятельности, руководства стало предпосылкой формирования сплоченной общероссийской организации, вступившей «в последний и решительный бой» со всеми без исключения врагами. Равной силы у недругов появиться не могло, и они проиграли. Фанатичная вера части большевиков объясняет, но не оправдывает их поступки. Победу можно назвать пирровой.

В данной связи затронем одну дискуссионную тему. И. А. Тропов отвергает высказанное в одной из монографий автора этих строк положение о поддержке правящим эшелоном незаконной местной власти². Он признает факты массовых нарушений закона, но не связывает их с «поддержкой в верхах», ссылаясь при этом на «анализ законодательства» (С. 314). Вопрос имеет принципиальное значение и касается ответственности власти за свои деяния. Спор идет вокруг разных аспектов проблемы — юридической и практической. Организационно консолидируя бедняцкую часть населения, вооружая ее представителей и предоставляя им широкие полномочия, власть поощрила бессмысленные и жестокие акты насилия; организованные ей идеологические кампании создали благоприятный фон для развертывания кровавого конфликта в деревне. Трудно представить принятие законов о поощрении страданий крестьян. Но ящик Пандоры был открыт революционными правителями, они фактически «поддержали» вырвавшееся наружу зло. При этом противодействие крестьянских масс, нередко и местных органов, объективно ограничивало его распространение.

Автор переходит к изучению местной власти на третьем этапе. Это время «отката» прорвавшейся далеко вперед революции. Специфический российский термидор наиболее ярко проявился в регионах, чем ближе к населению — тем ярче. Мы видим, что в тот период губернские комитеты партии еще имели какие-то возможности осуществлять диктатуру и влиять на развитие промышленности, сбор натуралога. Однако уже волостные и (нередко) уездные партячейки никаким авторитетом не пользовались. Примечательно, что процент делегатов-коммунистов на «низовых» советских съездах неуклонно снижался (С. 376, 416). Не менее показательно изменение положения сельсоветов. Все

чаще они выступают в роли простых передаточных инстанций для всяких циркуляров и распоряжений. В книге обращается внимание на то, как с деятелями волостных исполкомов крестьяне начинают разговаривать с ощущением своего превосходства (С. 374).

Кто же выступал непосредственным организатором деревенских жителей, составлявших не менее трех четвертых населения огромной страны? Какие структуры фактически выполняли функции сельской власти в условиях нэповской стабилизации? Оказывается, в деревнях управляли всеми делами «общие собрания граждан», то есть сельские сходы. А советы в книге названы — ни много ни мало! — «рабочими (по сути, исполнительными) органами» последних (С. 435). Встревоженная падением авторитета советов, центральная власть пыталась изменить ситуацию. Расширила их полномочия, ограничила административное давление, уменьшила численность лишенных права голосовать. Однако большевики проиграли, удельный вес их представителей в советах еще более сократился (С. 428–430). Это, в частности, позволяет И. А. Тропову констатировать, что «на местах ... сложилось как такового “диктата” партийных органов в отношении органов государственного управления» (С. 434). И то обстоятельство, что партийно-коммунистическая диктатура распространяла влияние на советы губернского уровня, трагического положения дел для городской диктатуры не отменяло. Власть Политбюро, Совнаркома, ЦИК на всем протяжении НЭПа не утвердилась на сельском, волостном, частично районном уровнях (С. 462). Большая часть России жила в соответствии с устоявшейся дореволюционной традицией.

Как трактовать приведенные только что факты? Большинство историков в укреплении позиций общин обнаруживают свидетельство упрочения традиционализма и консерватизма, аргумент в пользу необходимости насильственного обновления. Автор данной рецензии согласен с теми исследователями, которые обнаруживают в русской деревне 1920-х годов потенциал для модернизации. И дело не только в том, что сельское хозяйство продемонстрировало замечательно высокие темпы восстановления. Думается, политический активизм миллионов крестьян следует рассматривать как свидетельство постепенного превращения их из подданных в граждан. Селяне все чаще выступали с требованиями создания Крестьянского союза, Всероссийского крестьянского съезда, свободных выборов с несколькими кандидатами. Подчиняли низовой кооперативный аппарат, создавали блоки на выборах местных советов, формировали независимые от партии кружки взаимопомощи и аграрные сообщества. Все это может быть рассмотрено как выражение нового политического поведения, в основе которого лежит новая идентичность современного свойства.

В свете сказанного становится понятной реакция сталинской власти на чрезвычайно опасное для нее своенравное поведение десятков миллионов крестьян. В книге И. А. Тропова прослежено, как «центр» мобилизовал все силы на разгром крестьянского самоуправления, нанося удар путем проведения поголовных обысков, арестов, принудительных и массовых изъятий продовольствия и т. д. Под давлением краевых и областных комитетов партии, а также НКВД, советы превратились в послушное орудие коллективизаторской операции.

Третий этап революционного развития закончился. Российский термидор завершился установлением единовластия сталинской диктаторской группы, сохранившей марксистское идеологическое прикрытие. Местные органы власти утратили всякую самостоятельность. Неизбежная модернизация оказалась навязываемой сверху, а не выроставшей из нужд народа и не связанной напрямую с его благосостоянием. Поэтому многие модернизационные процессы начали разрушаться вместе с деформацией и разрушением сталинской диктатуры. К таким размышлениям приводит

нас внимательное знакомство с содержательной работой доктора исторических наук Игоря Анатольевича Тропова.

¹ Тропов И. А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917 – 1920-е гг.). СПб.: ГУАП, 2011. 499 с.

² Давыдов А. Ю. 1) Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002. С. 251; 2) Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007. С. 273.

Davydov A. Yu. Review on: Tropov I.A. Evoliutciia Mestnykh Organov Gosudarstvennoi Vlasti v Rossii (1917–1920-e gg.)

AUTHOR: Doctor of History, Professor, The A. I. Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg); davydov.au@mail.ru

REFERENCES:

¹ Тропов И. А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920-е гг.). St. Petersburg: GUAP, 2011.

² Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Meshochniki. St. Petersburg, 2002.

³ Давыдов А. Ю. Meshochniki i diktatura v Rossii. 1917–1921 gg. St. Petersburg, 2007.